

Моя любовь замёрзла у реки,
И чувства зябкие—фарфоровые узы.
А через душу проплывают сквозняки
И жалят сердце мне, как будто бы медузы.

Мосты зевают, и не спит Нева.
Хрустальный ветер прозвенел и в небе скрылся.
Я перед ней в трёх бедах виноват:
Недолюбил, не позабыл, не спохватился.

Остался цирк, он в городе полгода,
Артисты голодают в тишине
И принимают пищу от народа,
Чтоб прокормить животных. На стене
Висят афиши из вчерашней жизни,
И клоунам давно не до детей.
Метут проспекты вопреки харизме,
Чтоб накормить талантливых зверей.
...Уже зима. Но цирк на том же месте.
По снегу ходит поседевший лев.
Под гривой висит блестящий крестик
Как символ Божьей веры на земле.

Не бросай

Не бросай в пустоту, в тишину—
Я не выживу в этом молчании.
Слёзы, нервы—и звоны печали, и
Я один долго не протяну.

По следам ты моим не пойдёшь—
Не заметишь нелепой пропажи.
Ты меня от огня не спасёшь.
Ты не ходишь по пеплу и саже.

О городе в себе

Монеты кидайте, кидайте монеты
В могилы шахтёрские вновь.
Кровавою смесью стекают рассветы
По окнам страдающих вдов.

Мы чёрное небо оставим потомкам
И грязные лица берёз.
Убейте природу—не трогайте только
Сибирский колючий мороз.

Но с каждой тонной теряем мы воздух
И нежность весенних дождей.
Добились того, что не падают звёзды
На травы кузбасских полей.

Слухи

По шахте тоже ходят слухи,
И с каждым годом всё сильней.
Как осланцованные духи,
Распространяются по ней.

Звенят по переулкам шахты,
На почве крысами сидят.
На них шахтёры-космонавты
Глазами медленно глядят.

По слухам—слухам всё печальней,
Они остались взаперти.
Участка доблестный начальник
По шахте слухи запретил.

А ламповщицы на скамейке
Сидят и шутят про ребят.
И побрели по шахте фейки—
Пылинки сланцевых утят.